

Солженицын в Японии

В самый разгар «холодной войны» Александр Исаевич Солженицын (11.12.1918–03.08.2008) собрался в Японию, в свою первую, после того как он поселился в эмиграции в США, поездку за пределы Американского континента (с 16.09 по 16.10.1982). Настоятельное требование известного писателя к принимающей стороне — избежать огласки во время путешествия по стране.

Мистер Инкогнито

Группа сопровождавших его лиц справилась со своей задачей успешно. При посещении людных мест писателя маскировали широкополой шляпой и темными очками. Люди в провинции воспринимали его не более как «странного иностранца». Но очутившись с глазу на глаз с японской интеллигенцией, путешественники оказались на грани провала. Так, им пришлось срочно ретироваться из одного кафе, где за соседним столиком оказалась группа преподавателей, проявивших к фигуре писателя повышенный интерес. Некоторый конфуз возник, когда шведский профессор, за которого выдали Солженицына при посещении занятий математикой и физикой, вдруг заговорил на русском языке. Но к «причудам» и «докучливости» гостя их страны отнеслись весьма радушно. Его поили чаем в деревенских домах и любезно отвечали на все расспросы.

Единственным человеком, который признал в путешествующем по Японии иностранце лауреата Нобелевской премии по литературе, оказалась молодая дама, которая, как выяснилось, занималась изучением советской литературы. Она столкнулась с писателем в холле провинциальной гостиницы. Но японские спутники Солженицына ее поспешили разочаровать, заявив об ошибке. А сам гость Японии моментально скрылся в отведенном для него номере отеля.

Писатель привык рано ложиться спать. Спал он с открытым окном. И очень чувствительно относился к шумам — будь то водопад по соседству или шаги в коридоре. После звуковых «испытаний» такого рода писатель, как правило, вставал далеко не в лучшем расположении духа.

Пристрастия писателя

А.И. Солженицыну понравились *рёканы* (гостиницы в японском стиле). Он с удовольствием носил халат *юката*. Однако кухня пришлась не по душе. Он почти не ел овощей, без которых сами японцы себе жизни не мыслят, и отдавал предпочтение мясу, курице и яйцам. Его особого одобрения заслужил куриные шашлычки *якитори* и бифштекс из «мраморной» говядины.

Большой интерес писатель проявил к сельскому быту, а также к религиозной жизни — памятникам синтоистской и буддистской архитектуры. Большое впечатление на него произвела японская природа, океанская береговая линия страны. Наконец, впечатлили оживленные и забитые товарами торговые кварталы в японской провинции. А также... с удовольствием освоил игровые автоматы *пачинко*.

Но особенный интерес у путешественника вызвали *ама*, или ныряльщицы, занимающиеся добычей жемчуга. Показательные выступления этих девушек он смотрел от начала до конца. И далее, уже в другом городе, еще одной японской девушке, исполнительнице традиционных японских танцев, он с улыбкой пообещал вернуться. Спутники заверяют, что подобной улыбки у русской знаменитости они больше не видели никогда.

Из автомобильной поездки по стране, рассчитанной ровно на две недели, Солженицын вернулся в Токио на скоростном поезде *синкансэн* и, поселившись в отеле «Мияко», встречался с представителями общественности.

Идеолог антикоммунизма

Писателя сблизил с пригласившими его японцами идейный антикоммунизм. Поездка всемирно известного мыслителя в Японию, как полагали японцы, должна была очень эффективно содействовать тому, чтобы рассеять туман коммунистический мифологии, окутывавший в те годы мир.

Солженицын узрел двойственность отношения к коммунистическим идеям среди японцев. С одной стороны, в те годы они были напуганы возможностью советского военного вторжения на острова. С другой стороны, многие из японцев верили в мифы о «хорошем коммунизме». Но в понимании русского мыслителя отрицание коммунизма может быть только тотальным.

В развитие этой идеи в своих публичных выступлениях писатель попытался развенчать миф о том, что стабильность в Азии укрепится, если Вашингтон и его союзник Токио наладят отношения с коммунистическим Китаем. По его мнению, политика Пекина рано или поздно, но, в любом случае, неизбежно обратится к экспансии за рубеж. Это произойдет когда крупнейшая держава Азии выйдет из изоляции и наберет экономическую силу.

Писатель подчеркивал серьезную опасность, которую несет в себе идеология интернационализма, спутник коммунизма, которая направлена на покорение всего мира. И противопоставлял ей идею патриотизма, которую необходимо взращивать и лелеять в собственной стране. По его убеждению, национальное государство, где все общество проникнуто идеей патриотизма, органически не может представлять угрозы миру. Отсюда популярный в Токио в те годы лозунг «интернационализации» Японии, предполагавший сделать страну более «открытой» всему миру, представлялся ему ущербным и несущим скрытую угрозу самому существованию японского общества.

В таком контексте, по мнению русского писателя, патриотическое, но не националистическое воспитание молодежи нынешнему японскому обществу не противопоказано. Особенно в тот самый момент (то есть в самом начале 80-х годов), когда страна, по его мнению, находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Один толчок — и она могла начать дрейфовать как вправо, к национализму, так и влево — к коммунизму.

Кризис цивилизации

Патриотизм, по словам Солженицына, должен был противостоять еще и одной опасности, нависшей над всем миром, — это кризис цивилизации. Он несет в себе серьезную угрозу полной потери национальных корней, разрушения всего общества и экономики, п терю свободы... Кризис проявляется в разр шении семьи, в нежелании людей трудитьс в упадке образования... Причем подвержен кризису такого рода как страны капитализм так и коммунизма.

И здесь опять-таки, как утверждал Солже ницын, Япония находилась в состоянии весь ма неустойчивого баланса. Но японско общество противилось саморазрушени стремясь сохранить национальные традици и ценностный взгляд на вещи. Более того, са мо оно продемонстрировало миру свой та лант и способность сохранить нравственны начала, которые в США (в годы эмиграции он постоянно жил там) постепенно вымывалис и заменялись культом насилия.

Тем самым Соединенные Штаты несли уг розу японскому обществу. Своего рода опас ность обрыва национальной традиции, в кото рой общественная мораль, в понравившейся Солженицыну трактовке, основана некоторым образом на понятии красоты. Он подчеркнул что Япония, по сути, являет собой образец страны, воспринявшей принцип Ф. М. Достоевского «красота спасет мир» как руководство к действию.

В Японии, сходились во мнении писатель и японские интеллектуалы, многие вопросы решаются через человеческие отношения, в то время как в странах Запада поведение человека определяется через право. В некотором смысле частичная подчиненность правовых отношений человеческим отношениям характерна и для русской традиции. Но, по мнению писателя, в Советском Союзе отрицание закона имело совсем другую природу. Оно было связано не столько с пожеланиями людей, сколько с насильственным изъятием права из жизни общества. В то же время в Японии подавление личности изначально было невозможно, поскольку доступ к праву открыт для всех членов общества и люди, в своих поступках, так или иначе стараются действовать в правовом поле.

* * *

Японцы являются одними из наиболее благодарных почитателей российской литературной традиции. В этой стране переведены все мало-мальски значимые произведения русской литературы. Но А. И. Солженицын, в те годы, по мнению самих японцев, воспринимался читателями не просто (и, видимо, не столько) как писатель, но как политический писатель, как мыслитель. Однако с тех пор прошло много времени и состоялось много событий — включая крах коммунистических режимов во многих странах мира, — поменявших многие взгляды людей на современное им общество...

А.Б.